Источник: Кузнецов Ф. Пять повестей одной книги / Ф. Кузнецов // Литературная газета. – 1970. – 24 июня. – С. 5.

ПЯТЬ ПОВЕСТЕЙ ОДНОЙ КНИГИ

ОДНОТОМНИК Владимира Тендрякова, объединивший пять его повестей, дает возможность ощутить его прозу как единый организм, почувствовать целеустремленность его писательского интереса, пробивающегося сквозь самый разный жизненный материал, различные сюжеты и ситуации к закономерностям нравственной жизни советского человека.

Мне уже приходилось писать в одной из статей, как Ален Роб-Грийе, известный теоретик так называемого «нового романа», доказывал, будто современная советская литература сплошь занята проблемами сугубо утилитарными, каковыми, на его взгляд, являются выполнение рабочими производственного плана, получение квартиры и т. д... Другой французский писатель — Жан-Блок Мишель присоединил к этому еще одну мучающую советскую литературу проблему — посева зерновых...

В действительности современную нашу литературу в лучших ее образцах независимо от жизненного материала и характера конфликтов отличает, как известно, самое пристальное внимание к социально-философской проблематике, к духовным ценностям, к формированию характера человека, строящего коммунистическое общество.

В. Тендряков с особой остротой, а иногда и полемичностью ставит на обсуждение именно этот круг вопросов. Он жаждет решить их немедленно, порой подменяя художественное исследование жизни, как то случилось отчасти в его последней повести «Апостольская командировка» («Наука и религия», №№ 8—10, 1969), прямым диспутом, открытым мировоззренческим спором.

В чем смысл жизни?.. «Для чего, для какой цели я живу?..» — мучается бездуховностью своего существования герой повести Рыльников, молодой, казалось бы, благополучный человек. Не умея осмыслить всю сложность развития жизни и занять социально-активную позицию в ней, Рыльников обращается к религии, которая некогда держала монополию на духовные, а следовательно, и нравственные ценности жизни, предлагая человеку иллюзию счастья, иллюзию одухотворенности.

Наше общество взяло на себя историческую ответственность утвердить мораль вне идеи бога, укоренить в жизни подлинные, земные, человеческие, духовные ценности.

В. Тендряков стремится приковать внимание к этой все возрастающей в своем историческом значении, нашей общей, коллективной, гражданской ответственности. Он убежден: чем успешнее мы будем решать вопрос о хлебе насущном, тем острее будет вставать вопрос о хлебе духовном.

Заметили ли вы, что через все творчество В. Тендрякова последних лет проходит тема религии: она началась в его знаменитой «Чудотворной», была продолжена в повести «Чрезвычайное», потом—в «Апостольской командировке» и, убежден, не завершена, не исчерпана для себя писателем. Эти произведения В. Тендрякова не отнесешь к жанру упрощенно- «антирелигиозной» литературы. Они отмечены в первую очередь нравственно-философским подходом к некоторым сложным явлениям нашей действительности. Их пафос — в исследовании современных корней «богостроительства» и «богоискательства», в споре с искушением наиболее легких ответов на те или иные неудовлетворенные запросы души человеческой, в утверждении истинности «земных», социалистических духовных ценностей.

В. Тендряков не всегда пока художнически выигрывает этот спор. Внутреннее выпрямление Рыльникова в «Апостольской командировке» явно облегчено. Десятиклассница Тося Лубкова, так огорчившая и озадачившая своего учителя и воспитателя, директора школы Анатолия Матвеевича, от лица которого ведется рассказ в «Чрезвычайном», на поверку оказывается обыкновенной мещаночкой, недостойной серьезного отношения к себе ни со стороны писателя, ни со стороны читателя. «Уж лучше бы верила, да думала. Думающего можно убедить, доказать ему, а тут — не думает, не сомневается, не тревожится... — с горечью размышляет в повести Анатолий Матвеевич.— Поздравьте мир с новым обывателем!»

Однако само направление поиска писателя, его последовательное неприятие бездуховности и безнравственности, его устремленность к истинным ценностям, осмысляемым с «земных», социальных позиций, на мой взгляд, своевременны и плодотворны.

В таких произведениях, как «Поденка — век короткий», «Суд», «Короткое замыкание», и других В. Тендряков уже на ином жизненном материале продолжает свой бой за одухотворенного человека современности. Он выверяет нравственную ценность героев, как правило, в острейшем внутреннем конфликте.

Одна из самых драматичнейших повестей в сборнике — «Поденка — век короткий». Это повесть о вине и расплате за сделку человека с собственной совестью, на которую пошла свинарка Настя Сыроегина. Именно ее, работящую и безответную, председатель Артемий Богданович решил сделать «гордым знаменем» своего колхоза. Тяжкой ценой — позором, муками совести, гибелью свинофермы, которую она подожгла, чтобы скрыть очковтирательство и приписки, и сама первая, в ужасе, бросилась спасать, — заплатила Настя Сыроегина за внутреннее прозрение.

Еще более страшной ценой — гибелью человека — заплатил за отступление от нравственного закона нашей жизни герой повести «Короткое замыкание» управляющий энергосистемой Иван Капитонович Соковин.

Соковин — крупный, масштабный, волевой человек. Он стал хозяином могучих и умных машин, руководителем сотен людей, обслуживающих эти машины. Он научился любить машины, был по-отцовски нежен и бережен к ним. И разучился любить людей: «любовь к человеку» для него — не более чем «высокие слова».

— Моя любовь — в машинах, она весома, вещественна, — доказывает он своему сыну, молодому инженеру Вадиму, который не приемлет в отце этого бездушия и бездуховности.

— Машины эту весомую любовь еще могут выносить, они железные, а люди гнутся, — отвечает отцу Вадим.

Такова подоплека спора, который ведет Вадим Соковин со своим отцом и за который получает от него хлесткое, как пощечина: «Гнилой гуманист». Подоплека спора, который, не подозревая того, ведет Соковин-старший не с Вадимом, но с нашей жизнью, с ее основами.

Сам Иван Капитонович убежден, что, будучи деловым человеком, он «пользы людям принес больше, чем все поэты...», «идейками» которых, по его мнению, напичкан Вадим. Соковин-старший не сознает, что, будучи таким, какой есть, наряду с пользой он приносит и вред. Его влюбленность в технику и в свое дело не одухотворена идеей служения людям, живым, конкретным людям, ленинскими качествами душевной чуткости, внимания к человеку, не к человеку вообще, но к реальному, конкретному человеку.

И хотя, казалось бы, трудно винить Ивана Капитоновича в трагической смерти Саньки Горяева, своей жизнью предотвратившего аварию, — в действительности он виноват в ней. Виноват тем, что в своей деятельности руководителя не умел, не хотел думать о человеке, о человечности.

— Всякая экономическая выгода должна отступить, когда речь идет об охране здоровья и жизни человека, — бросает в лицо отцу Вадим. Вот что отделяет Соковина-старшего от Соковина-младшего. Это подлинный гуманизм, утверждающий высокие духовные ценности нашей жизни.

Феликс КУЗНЕЦОВ

Владимир Тендряков. «Поденка — век короткий. Чудотворная. Чрезвычайное. Короткое замыкание. Онега». Издательство «Молодая гвардия». М. 1969.